

Ж 14

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

КАЛИНКИН Юрий Алексеевич

Участие в уголовном
судопроизводстве лиц, обладающих
специальными познаниями

Специальность—12.00.09 (уголовный процесс;
судоустройство; прокурорский надзор;
криминалистика)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва—1981

код экземпляра

42470

Работа выполнена на кафедре уголовного процесса юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Научный руководитель:

доктор юридических наук профессор **ЯКУБ М. Л.**

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук **ЭЙСМАН А. А.**
кандидат юридических наук **ОРЛОВ Ю. К.**

Ведущая организация: Всесоюзный научно-исследовательский институт судебной экспертизы.

Защита диссертации состоится « 22 » января 1982 г.
в « 14 » час. на заседании Специализированного Совета К-053.05.33 юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-ый гуманитарный корпус, юридический факультет).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Автореферат разослан « 4 » декабря 1981 года.

Ученый секретарь
Специализированного Совета кандидат
юридических наук

ПОТАШНИК Д. П.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В нашей стране в соответствии с решениями XXVI съезда Коммунистической партии, положениями Конституции СССР последовательно проводится провозглашенный Программой КПСС курс на дальнейшее укрепление социалистической законности, создание необходимых условий для искоренения всяких нарушений правопорядка, ликвидации преступности, устранение причин ее порождающих¹. В решении этих важных общегосударственных задач большое значение придается совершенствованию деятельности органов прокуратуры, внутренних дел, юстиции и суда, призванных стоять на страже советской законности, интересов общества, прав советских граждан².

Л. И. Брежнев указывал, что «партия ждет от всех этих органов еще большей инициативы, принципиальности, непримиримости в борьбе с любыми нарушениями советского правопорядка»³.

Успех в этой борьбе во многом зависит от быстрого и эффективного внедрения в практику деятельности правоохранительных органов того нового, что дает научно-технический прогресс. В обществе развитого социализма научно-технический прогресс находит свое проявление во всех сферах деятельности. Не составляет исключения и уголовное судопроизводство. Расширение масштабов применения современных достижений науки и техники в расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел основано на норме ст. 26 Конституции СССР. Согласно этой статье, государство в соответствии с потребностями общества организует внедрение результатов научных исследований в народное хозяйство и другие сферы жизни.

Использование достижений научно-технического прогресса в расследовании и судебном разбирательстве способствует раскрытию преступлений и изобличению виновных, установлению истины по делу, обеспечению гарантий личности, содействуя тем самым осуществлению задач уголовного судопроизводства, его эффективности.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1973, с. 106.

² Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 65. Постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями». — «Правда», 1979, 11 сентября.

³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М.: Политиздат, 1978, с. 385.

3911

Отсюда понятен и закономерен тот большой интерес, который проявляют ученые юристы к проблемам внедрения в уголовное судопроизводство результатов научно-технического прогресса. Рассмотрению тех или иных аспектов указанных проблем, в частности, связанных с участием в уголовном процессе лиц, обладающих специальными познаниями, посвящены работы многих процессуалистов и криминалистов: В. Д. Арсеньева, Г. А. Атапесяна, А. И. Вишберга, А. В. Дулова, Е. И. Зуева, Г. Г. Зуйкова, В. Я. Колдина, А. М. Макарова, В. Н. Махова, Э. Б. Мельниковой, А. Я. Палиашвили, И. Л. Петрухина, Н. А. Селиванова, А. Р. Шляхова, А. А. Эйсмана и др. Общими усилиями названных авторов внесен значительный вклад в разработку теоретических основ участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве, основных форм их участия. Выдвинутые ими и реализованные научно-обоснованные рекомендации во многом способствуют расширению и улучшению практики использования помощи лиц, обладающих специальными познаниями, в расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. Вместе с тем практика участия в уголовном судопроизводстве сведущих лиц, накопленный ею за последние годы опыт требуют дальнейшего обобщения, теоретического осмысления.

Одной из актуальных задач современной науки уголовного процесса остается, как отмечается в литературе, «создание цельной процессуальной теории использования достигнутый научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве и практике уголовно-процессуального доказывания как фундаментальной основы дальнейшего развития советского уголовного процесса»¹. Важнейшее, всевозрастающее значение в связи с этим имеет исследование вопросов процессуально-правовой регламентации применения в расследовании и судебном разбирательстве специальных познаний сведущих лиц.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство всех союзных республик относительно подробно регулирует порядок назначения и производства экспертизы, участия специалиста в следственном действии, участия педагога в допросе несовершеннолетнего. Но, представляется, что законодатель не исчерпал своих возможностей в регулировании участия сведущих лиц в уголовном процессе. Это в извест-

¹ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе, Воронеж, 1978, с. 257.

пой мере относится и к названным формам, но в большей степени—к иным формам участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями,—к показаниям сведущих свидетелей, техническому расследованию, судебно-медицинским освидетельствованиям и исследованию в стадии возбуждения дела и др. Между тем последние имеют важное значение в практике и требуют дальнейшей теоретической разработки.

Задачи исследования. Изложенное определило предмет и задачи настоящей диссертационной работы. Она посвящена исследованию в процессуально-правовом аспекте различных форм участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями.

В диссертации предпринята попытка выявить, какое развитие получили эти формы в теории, в законодательстве, в следственной и судебной практике, выделить наиболее существенные признаки каждой из таких форм, охарактеризовать отличие их друг от друга. На основе этого автором даются некоторые практические рекомендации по применению различных форм участия в уголовном процессе сведущих лиц и намечаются пути развития их процессуально-правовой регламентации.

Методологическая основа и методика исследования. Методологической основой исследований послужили труды классиков марксизма-ленинизма, доклады и выступления руководящих деятелей КПСС и Советского государства, программные документы КПСС, положения Конституции СССР. В диссертации автор руководствовался методом материалистической диалектики.

Диссертационное исследование основано на изучении как литературных и нормативных источников, так и практики: автором изучено 528-уголовных дел¹, рассмотренных Курганским областным судом в 1977—1978 гг., Курганским городским народным судом, Москворецким и Сокольническим районными народными судами г. Москвы в 1977 г.

¹ Изучались дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 92 (43 дела), 102 (27 дел), 103 (18 дел), 108 (73 дела), 112 (79 дел), 117 (84 дела), 211 (93 дела), 211¹ (17 дел), 218 УК РСФСР (53 дела) и о некоторых других категорий преступлений. В производстве по всем этим делам приняли участие в той или иной форме лица, обладающие специальными познаниями.

Научная новизна и практическая значимость результатов исследования. В результате исследования получены следующие выводы, кратко суммирующие материал, представляющийся новым по сравнению с написанными ранее работами.

1. Понятие специальных познаний, реализуемых в уголовном процессе, как сведений, составляющих предмет профессиональных знаний соответствующего специалиста, наполняется содержанием, конкретизируется, по мнению автора, не только указанием на ту или иную отрасль этих знаний; должна учитываться также применяемая в данном случае форма использования специальных познаний (экспертиза, ревизия и пр.), которая обуславливает требования, предъявляемые на практике к сведущим лицам, привлекаемым к участию в деле.

2. В работе предложена классификация форм участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями, в основе которой положены степень и характер регулирования процессуальным законом такого участия, формы участия сведущих лиц в уголовном процессе подразделяются на регулируемые УПК и иные. Регулируемыми нормами процессуального закона являются такие специфические формы участия этих лиц, как экспертиза, участие специалиста в следственном действии, педагога в допросе несовершеннолетнего, судебно-медицинское освидетельствование, известное УПК УССР, Казахской ССР и Армянской ССР. Процессуальная конструкция данных форм предназначена для использования специальных познаний. К иным формам участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями, относятся ревизия, которая предусмотрена УПК, но им не регулируется, а также не упоминаемые УПК, но используемые в практике ведомственная экспертиза, техническое расследование, судебно-медицинские освидетельствование и исследование в стадии возбуждения дела, письменное мнение сведущего лица в кассационной и надзорной инстанциях. К ним отнесена также неспецифическая форма участия в судопроизводстве сведущего лица — дача им показаний в качестве свидетеля. Неспецифической она является потому, что специальные познания здесь реализуются в рамках следственного действия (допроса), специально не предназначенного для их реализации. Практический смысл предложенной классификации в том, что она способствует разрешению

вопроса о достаточности и полноте процессуально-правовой регламентации участия сведущих лиц в Уголовном судопроизводстве и определению возможных перспектив ее дополнения, если в этом встретится надобность. Она может быть использована в последующих теоретических исследованиях, а также в учебных целях.

3. При производстве по делу для решения вопроса о наличии или отсутствии состояния алкогольного опьянения у того или иного лица, когда для этого оказываются необходимы специальные познания, должна проводиться экспертиза, но не распространенное в практике медицинское освидетельствование, которое не обеспечено надлежащими процессуальными гарантиями. По делам же о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 241, 241¹, УК РСФСР, экспертиза с указанной целью, по мнению автора, должна быть обязательной.

4. В законе недостаточно четко проводятся различия в назначении и правовом положении и уголовном процессе педагога, привлекаемого к допросу несовершеннолетнего, и специалиста, участвующего в следственном действии. С этим связано смещение в теории и на практике процессуальных режимов деятельности названных лиц. По мнению автора, целесообразно внести соответствующие дополнения в закон.

5. В диссертации поддерживается и обосновывается высказанное в литературе мнение о необходимости предусмотреть в законе процессуальную фигуру сведущего свидетеля. В этой связи диссертант развивает свои соображения относительно того, что должно быть, в случае реализации данного предложения, отражено в законе.

6. Представляется необходимым определить, хотя бы в общих чертах, процессуально-правовой статус лиц, проводящих ведомственное техническое расследование аварий и крушений на транспорте, аварий и несчастных случаев на производстве, в частности, их полномочия в уголовном процессе, характер взаимоотношений со следователем, прокурором.

7. Рассмотрение практикуемых ныне форм использования специальных медицинских познаний в стадии возбуждения уголовного дела приводит автора к выводу о необходимости процессуально-правового регулирования деятельности судебно-медицинского эксперта в процессе проверки оснований к возбуждению дела.

8. По мнению автора, практика представления в суд над-

зорной инстанции в качестве дополнительных материалов мнений ведущих лиц, а также истребования таких мнений самим судом надзорной инстанции вполне оправданны; в диссертации обосновывается необходимость внесения соответствующих дополнений в закон.

Названные положения, подробно рассматриваемые в диссертации, выносятся автором на защиту.

Практическую значимость результатов исследования определяют возможности реализации и внедрения в практику органов расследования и судов содержащихся в диссертации практических рекомендаций (о целесообразности привлечения сотрудников ГАИ в качестве специалистов, о необходимости расширительного толкования понятия «педагог», о возможности при определенных условиях не прибегать к судебной экспертизе при наличии в деле материалов ведомственной экспертизы или технического расследования и др.), а также некоторые предложения по совершенствованию законодательства. Основные положения диссертации могут быть использованы в ходе дальнейших теоретических исследований проблем участия сведущих лиц в уголовном процессе, в изучении и обобщении практики по этим вопросам, в преподавательской деятельности.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и практические рекомендации, содержащиеся в работе, сообщены автором на научной конференции во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (1979 г.), на межведомственной научно-практической конференции в г. Саранске (1981 г.), а также в публикациях.

Обоснование структуры работы. При определении круга вопросов, освещаемых в диссертации, автор, учитывая имеющуюся литературу по исследуемой теме, ограничился рассмотрением в позитивном изложении наиболее существенных свойств (признаков) тех или иных форм участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями. Изложено это с таким расчетом, чтобы, с одной стороны, охватить по возможности все имеющиеся формы участия сведущих лиц в уголовном процессе, с другой — сосредоточить внимание на возникающих здесь проблемах как теоретического, так и практического характера. При этом автор исходил из того, что разрешение конкретных процессуальных проб-

лем невозможно без предварительного исследования ряда общих теоретических вопросов—условий использования помощи сведущих лиц, понятия специальных познаний и др.

Изложенное определило структуру работы, которая состоит из введения и трех глав: I—«Понятие, значение и формы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве», II—«Регулируемые УПК формы участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями», III—«Иные формы участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями».

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, подчеркивается ее актуальность и необходимость дальнейшей разработки, формулируются задачи исследования, отмечаются научная позиция и практическая значимость его результатов.

В первой главе рассматриваются вопросы о понятии и значении специальных познаний, применяемых в уголовном процессе, о формах участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих такими познаниями, и о классификации названных форм.

Использование в уголовном процессе помощи сведущих лиц обусловлено не только отсутствием у следователя, прокурора и судей специальных познаний, необходимых при расследовании и рассмотрении того или иного дела, но и пределами, в которых непосредственная реализация последними имеющихся у них специальных познаний допускается законом.

Говоря о значении специальных познаний, необходимых по тому или иному делу, следует указать, во-первых, на то, что сфера реализации таких познаний не ограничивается какой-либо одной стадией уголовного процесса; они используются в различных формах на протяжении всего процесса для реализации тех задач, которые стоят перед каждой его стадией и судопроизводством в целом. Во-вторых, они могут применяться на всех этапах процесса доказывания—при сборании, проверке и оценке доказательств. В-третьих, необходимость и возможность использования специальных познаний для установления обстоятельств, предусмотренных ст. 68 УПК РСФСР, определяет значение познаний в процессе доказывания по делу.

Рассмотрению вопроса о формах участия сведущих лиц в уголовном процессе предшествует краткий исторический экскурс. В работе, в частности отмечается, что в УПК РСФСР

1923 г. законодательную регламентацию получила лишь одна форма участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями, — экспертиза. В УПК РСФСР 1960 г. нормы, регулирующие порядок назначения и производства экспертизы, были значительно развиты и детализированы с учетом практики последних лет и достижений научной мысли. Кроме того, новым процессуальным законом были предусмотрены неизвестные ранее действовавшему УПК формы участия сведущих лиц в уголовном процессе — участие специалиста в следственном действии, участие педагога в допросах несовершеннолетних. Эти формы предусмотрены ныне в УПК всех союзных республик. Кодексам трех союзных республик — УССР, Казахской ССР и Армянской ССР — известна также такая форма участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями, как судебно-медицинское освидетельствование. Названные формы предназначены для реализации специальных познаний в уголовном процессе и соответственно сконструированы, иначе говоря, являются специфическими формами участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих такими познаниями.

Но специальные познания сведущих лиц могут использоваться в уголовном процессе не только в специфических формах их участия в производстве по делу. Важное значение здесь может иметь также допрос свидетелей, обладающих специальными познаниями: специалистов, участвовавших в следственном действии, педагогов, ревизоров, различных инспекторов и т. д.

Помимо названных форм непосредственного участия сведущих лиц в уголовном процессе органы расследования и суд используют в доказывании материалы ревизий, проводимых как по их требованию, так и по инициативе хозяйственных и финансовых ведомств, ведомственных экспертиз, технических расследований аварий и несчастных случаев на транспорте и на производстве, судебно-медицинских освидетельствований и исследований, предусмотренных новой (1978 г.) «Инструкцией о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР», и др., порядок производства которых УПК не регулирует.

Рассмотрение вопросов, связанных с использованием при производстве по делу специальных познаний* в этих формах, наряду с исследованием форм непосредственного участия све-

дущих лиц в процессе представляется не только правомерным, но и необходимым. Дело здесь не только в том большом значении, какое имеет для расследования и разрешения дела использование специальных познаний в формах, не соединенных с непосредственным участием сведущих лиц в судопроизводстве. Важно уяснить соотношение регулируемых и нерегулируемых УПК форм реализации таких познаний. Решение данной задачи предполагает обращение к характеристике правовой природы и сущности последних, доказательственного значения результатов деятельности сведущих лиц в процессуальных формах и т. д. Теоретический и практический интерес представляет также рассмотрение указанных форм участия сведущих лиц в уголовном процессе с точки зрения возможной перспективы и путей их процессуально-правового регулирования.

Вторая глава диссертации посвящена рассмотрению регулируемых УПК форм участия в уголовном судопроизводстве сведущих лиц: экспертизе, участию специалиста в следственном действии, участию педагога в допросах несовершеннолетних, судебно-медицинскому освидетельствованию, предусмотренному кодексами УССР, Казахской ССР и Армянской ССР.

Развитие науки и техники в современных условиях значительно расширило возможности судебной экспертизы, которая, опираясь на достижения научно-технического прогресса, с каждым годом приобретает все большее значение в раскрытии и расследовании преступлений. Из общего количества изученных автором уголовных дел—528 (в том числе по ст. ст. 102, 103, 112, 117—208 дел, по ст. ст. 211, 218 УК РСФСР — 146 дел и др.) экспертизы различных видов проводились по 450 делам, т. е. примерно по 85 % дел. Всего было проведено 959 экспертиз: 544 судебно-медицинских, 187 криминалистических, 143 судебно-психиатрических, 35 автотехнических и ряд других экспертиз.

Неотъемлемыми свойствами экспертизы являются проводимое экспертом по заданию органов расследования и суда исследование имеющих значение для дела обстоятельств на основе специальных познаний и получаемые по его результатам выводы в виде заключения эксперта. Причем более важное значение как специфическое свойство экспертизы имеют выводы эксперта. В диссертации дается определение понятия экспертного исследования, рассматриваются вопросы об осно-

ваших и цели такого исследования, его субъекте, предмете и методах, о процессуальных условиях проведения экспертных исследований. Характеризуя специфику экспертных выводов, автор обращает внимание на три момента. Они по своему характеру являются неочевидными, необщедоступными. Далее, выводы эксперта, содержащиеся в его заключении, изложенном и представленном в надлежащем порядке, приобретают в уголовном деле доказательственное значение. Экспертные выводы являются результатом деятельности, осуществляемой в процессуальной форме. Устанавливаемый уголовно-процессуальным законом порядок назначения и производства экспертизы направлен на создание оптимальных условий для получения полных, объективных и достоверных заключений.

В этой связи автор обращает внимание на нередко встречающиеся в практике случаи назначения и производства судебно-медицинской экспертизы до возбуждения дела. По данным А. Р. Михайленко, судебно-медицинская экспертиза до возбуждения дела проводилась по 7 % изученным им дел¹. По изученным диссертантом делам из 544 проведенных по ним судебно-медицинских экспертиз 78 экспертиз (14 %) были произведены до вынесения постановления о возбуждении дела. В литературе такую не соответствующую закону практику объясняют, в частности тем, что в ряде случаев только с помощью экспертизы можно выявить признаки преступления (тяжесть телесных повреждений, причины смерти и т. п.), на основании которых возбуждается дело. Исходя из этого, многие авторы выступают за то, чтобы в законодательном порядке было разрешено проверять основания к возбуждению уголовного дела с помощью судебно-медицинской экспертизы (Н. А. Баженов, Г. Мудьюгин, Я. П. Нагойный, Г. Г. Незванова, М. Похис, Х. А. Рооп, С. А. Шейфер и др.). В литературе высказаны и противоположные взгляды — о недостижимости назначения и производства экспертизы до возбуждения дела (В. Д. Арсеньев, В. М. Савицкий и др.).

Противники предлагаемого нововведения, принимая во внимание потребность практики в использовании медицинских знаний до возбуждения дела, рекомендуют ограничиваться данными, полученными в ходе осмотра трупа с учас-

¹ Михайленко А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1975, с. 126.

тнем судебного медика, консультацией специалиста — судебно-медицинского эксперта, производившего вскрытие и исследование трупа, о причине смерти, справками и выписками из истории болезни и пр. Такие рекомендации не могут вызывать возражений, и на практике в большинстве случаев при проверке оснований к возбуждению дела все это используется. Но следователь при решении вопроса о возбуждении дел об убийствах и о телесных повреждениях не всегда может получить необходимые для этого данные при осмотре трупа и из справок и выписок. Далекое не в каждом случае обнаружения трупа наличие или отсутствие признаков убийства является очевидным, в том числе и для судебного медика. В справках и выписках, как правило, содержатся сведения лишь о характере телесных повреждений, но не о степени их тяжести, а это момент возбуждения дела весьма важен. Консультации же сведущих лиц не могут быть положены в основу принимаемого следователем решения. Не решает проблемы использования специальных медицинских познаний в стадии возбуждения дела и производство по поручениям органов расследования и суда судебно-медицинских освидетельствований и исследований, предусмотренных Инструкцией о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР (см. с. 17—18).

Исходя из сказанного, диссертант разделяет мнение о необходимости разрешить в порядке исключения производство судебно-медицинской экспертизы до возбуждения дела.

Законодательное закрепление возможности проведения судебно-медицинской экспертизы в стадии возбуждения дела положит конец и тому упрощенчеству, которое имеет место при разрешении вопроса о наличии или отсутствии состояния алкогольного опьянения. Здесь имеется в виду производство в непроцессуальной форме с указанной целью медицинских освидетельствований, которым чаще всего подвергаются водители транспорта в случаях дорожно-транспортных происшествий. По делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 211, 211¹ УК РСФСР, при наличии акта такого освидетельствования соответствующая экспертиза не проводится, т. к. следы опьянения в течение короткого времени исчезают, и этот акт используется в обосновании обвинительных выводов по делу. Такая замена экспертизы освидетельствованием, не отличающимся от нее по содержанию деятельности, но лишенным

свойственных ей процессуальных гарантий, представляется неоправданной. По мнению автора, во всех тех случаях, когда для установления факта алкогольного опьянения оказываются необходимы специальные познания, следует назначать экспертизу, а в процессе проверки оснований к возбуждению дела по признакам ст. ст. 211 и 211¹ УК она должна быть обязательной. Последнее обосновывается тем, что по делам об этих преступлениях алкогольное опьянение у водителей транспорта выступает в качестве квалифицирующего признака.

В параграфе втором, посвященном участию специалиста в следственном действии (ст. 133¹ УПК РСФСР), рассматриваются вопросы об основаниях и условиях его привлечения, о содержании деятельности специалиста, о процессуальном оформлении ее результатов.

Главное различие между специалистом, участвующим в следственном действии, и экспертом диссертант видит в целях использования их профессиональных познаний. Этими целями обусловлены разные процессуальные формы и последствия применения специальных познаний специалиста и эксперта.

В диссертации излагается позиция автора по некоторым спорным в литературе и на практике вопросам, связанным с участием сотрудников ГАИ МВД СССР в производстве по делам о преступлениях на автотранспорте. В ней, в частности, оспаривается мнение Г. Е. Морозова, который считает, что сотрудников ГАИ следует привлекать к участию в следственных действиях в качестве специалистов. Согласно Положению о ГАИ, на ее сотрудников возложено выполнение функций органа дознания по делам об автотранспортных преступлениях. Как представитель органа дознания работник ГАИ и должен, по мнению диссертанта, привлекаться к участию в следственных действиях, оказывая содействие следователю при их производстве в порядке ч. 4 ст. 127 УПК РСФСР. Закон не разъясняет, в чем должно выражаться это содействие. Конечно, оно может включать в себя оказание следователю инспектором ГАИ, как сведущим лицом в области автотехники и автодорожного дела, помощи в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств. Однако его содействие не следует ограничивать указанной помощью. Сотрудники ГАИ могут привлекаться к делу для выполнения всех иных поручений, которые даются следователем органам

дознания. С учетом процессуального положения этих лиц как представителей органа дознания должны рассматриваться и другие вопросы, связанные с их участием в производстве по уголовным делам, в частности, о процессуальной природе и доказательственном значении составляемых сотрудниками ГАИ и приобщаемых к уголовным делам протоколов осмотров места дорожно-транспортного происшествия и транспортных средств. Диссертант считает, что нет оснований отрицать, как это делают отдельные авторы (И. Г. Маладин, К. Ю. А. Стугис), за названными документами значение протоколов следственных действий, на производство которых уполномочены сотрудники ГАИ. С технической стороны они могут быть более квалифицированными и содержать больше информации, нежели протоколы, составляемые следователем при производстве таких же следственных действий, поскольку исходят от специалистов. Следователи, располагая правильно, полно и квалифицированно составленными сотрудниками ГАИ протоколами осмотров мест дорожно-транспортных происшествий и транспорта, нередко ограничиваются ими, не проводя вторично таких осмотров. Изучение 93 дел о преступлениях, предусмотренных ст. 214 УК РСФСР, показало, что из 97 проведенных по этим делам осмотров мест дорожно-транспортных происшествий следователем произведено 56, остальные — сотрудниками ГАИ. В то же время из 107 осмотров транспорта на долю следователей пришлось лишь 15, во всех остальных случаях осмотры проводились работниками ГАИ. Последующие осмотры места дорожно-транспортного происшествия и транспорта производятся следователем, если возникает необходимость получить дополнительные данные или по другим основаниям, но вовсе не потому, что нужно дублировать действия сотрудников ГАИ и составляемые последними документы.

Характеризуя процессуальное назначение педагога при допросе несовершеннолетнего, автор осматривает распространенный в литературе взгляд на него как на специалиста, участвующего в следственном действии согласно ст. 133¹ УПК. Значение участия педагога в допросе несовершеннолетнего выходит за рамки оказания помощи следователю. Его участие здесь, что еще более важно, является средством обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних, ограждения от возможного отрицательного влияния допроса

на психику этих лиц, на их воспитание. Характер процессуальных полномочий педагога подтверждает этот вывод.

Далее в диссертации исследуется процессуальная природа судебно-медицинского освидетельствования, предусмотренного кодексами УССР, Казахской ССР и Армянской ССР. Автор приходит к выводу, что судебно-медицинское освидетельствование, закрепленное в УПК названных республик, следует отнести к числу самостоятельных форм участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями. Но диссертант, вслед за многими процессуалистами, считает, что введение такого освидетельствования, занимающего промежуточное положение между обычным освидетельствованием и экспертизой, неоправданно, его процессуальная конструкция искусственна, надуманна. Примечательно, что из УПК Узбекской ССР в 1976 г. была исключена норма, предусматривавшая подобное судебно-медицинское освидетельствование.

Третья глава диссертации, посвященная иным формам участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями, представлена четырьмя параграфами. В первом из них речь идет о допросе сведущих свидетелей, во втором — о ревизии, ведомственной экспертизе и техническом расследовании, в третьем — о судебно-медицинских освидетельствованиях и исследовании в стадии возбуждения уголовного дела и, наконец, в четвертом — о письменных мнениях сведущих лиц в стадиях кассационного и надзорного производств.

В следственной и судебной практике широко распространена такая форма участия сведущего лица в уголовном процессе, как дача им показаний в качестве свидетеля. Как явствует из приведенных в работе цифровых данных по изученным делам, в указанном качестве нередко допрашивались инспектора ГАИ, а также ревизоры, бухгалтеры, торговые технические инспектора и другие сведущие лица. В литературе кроме того имеются указания на встречающиеся в практике случаи допроса в качестве свидетелей специалистов, педагогов, ранее привлекающихся к участию в следственных и судебных действиях.

В диссертации отмечается, что допрос специалистов, участвовавших в следственных действиях, ревизоров, инспекторов и т. д. в качестве свидетелей и дача ими показаний является

неспецифической формой участия в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями, т. к. наш закон не знает института сведущих свидетелей и особых правил их допроса. Однако, это не служит препятствием, замечает И. Л. Петрухин, «к теоретическому изучению своеобразия показаний этих лиц, особенно при сопоставлении их с заключениями экспертов»¹. Вместе с тем заслуживает внимания выдвинутое в литературе предложение о введении в наш уголовный процесс процессуальной фигуры сведущего свидетеля.

Допрос в качестве свидетелей упомянутых выше сведущих лиц, по мнению автора, не соответствует их положению и роли в уголовном процессе, а также содержанию сообщаемых ими сведений. Образно говоря, они не совсем укладываются в существующий процессуально-правовой статус свидетелей, хотя закон и не содержит препятствий для допроса их в качестве таковых. Предметом допроса этих сведущих лиц являются те или иные фактические обстоятельства, имеющие значение для дела, которые они характеризуют на основе имеющихся у них специальных познаний. Такого рода показания отличаются от иных свидетельских показаний. Важное место в содержании показаний сведущих лиц, в частности, занимают основанные на их специальных познаниях мнения относительно как воспринятых, так и непосредственно невоспринятых ими фактов.

Специфика данного вида свидетельских показаний, по мнению автора, должна быть отражена в законе путем выделения показаний сведущих свидетелей как самостоятельного источника доказательств и введения, помимо допроса свидетелей, допроса сведущих свидетелей в качестве самостоятельного следственного действия. При этом в законе, на взгляд диссертанта, должно быть указано следующее: а) в качестве сведущих свидетелей могут допрашиваться лица, которые располагают, по материалам следствия, данными об обстоятельствах, подлежащих выяснению, до их вызова на допрос; б) при допросе сведущих свидетелей могут выясняться их мнения относительно имеющих значение для дела обстоятельств; в) мнения сведущих свидетелей должны быть уч-

¹ Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964, с. 60.

тены при формировании выводов по делу; г) мнения сведущих свидетелей относительно невосприятых ими фактов не заменяют заключений экспертов и не освобождают от назначения экспертизы, если по закону в ней есть необходимость; д) у сведущих свидетелей могут быть получены сведения справочного характера из той или иной области специальных познаний.

Распространенной формой использования специальных познаний при расследовании и рассмотрении дел о преступлениях, совершаемых в сфере производственной и финансово-хозяйственной деятельности предприятий, учреждений, организаций, являются ревизии, проводимые по требованию органов расследования и суда. В работе рассматриваются вопросы о правовой природе такой ревизии, о месте акта ревизии в системе источников доказательств, о том, является ли производство ревизии по требованию органов расследования и суда способом собирания доказательств, об отличии ее, с одной стороны, от экспертизы, с другой — от участия специалиста в следственном действии, и др.

Для органов расследования и суда в ряде случаев могут представлять интерес материалы экспертиз, проводимых для нужд соответствующего ведомства, — товароведческих, врачебно-трудовых и т. д. Будучи приобщенным к делу, заключение ведомственной экспертизы служит источником доказательств и относится, как и акт ревизии, к документам, предусмотренным ст. 88 УПК РСФСР. Но оно не может рассматриваться как заключение эксперта в процессуальном смысле этого понятия. Вместе с тем представляется правомерной постановка в литературе рядом авторов вопроса о том, могут ли быть признаны достаточными имеющиеся в деле материалы ведомственной экспертизы, касающиеся обстоятельств, установление которых требует применения специальных познаний, или для выяснения этих же обстоятельств необходима судебная экспертиза (В. Д. Арсеньев, Ю. К. Орлов и др.). По мнению диссертанта, этот вопрос должен решаться следствием и судом в каждом конкретном случае в зависимости от того, не вызывает ли сомнений объективность и обоснованность выводов ведомственной экспертизы, проводилась ли последняя достаточно компетентным лицом и в методическом отношении правильно, и дает ли исчерпывающие ответы на вопросы, требующие специальных познаний.

1155

Далее в работе отмечается значение, которое имеют для уголовного судопроизводства материалы проводимых в ведомственном (служебном) порядке соответствующими специалистами технических расследований аварий и крушений на транспорте, аварий и несчастных случаев на производстве. По мнению автора, в УПК необходимо определить, хотя бы в общих чертах, процессуально-правовой статус лиц, проводящих указанные технические расследования, в частности, их полномочия в уголовном процессе, характер взаимоотношений со следователем, прокурором. Заслуживает внимания в этой связи то, что в ранее действовавшем законодательстве (УПК РСФСР 1923 г.) органы податной, продовольственной, санитарной, технической, торговой инспекции и инспекции труда были отнесены к органам дознания. По ныне же действующему уголовно-процессуальному законодательству из числа государственных инспекций, могущих производить техническое расследование, к органам дознания отнесены лишь ГАИ и органы государственного пожарного надзора. Между тем техническое расследование, проводимое сотрудниками иных ведомств, по своему характеру и содержанию с процессуальной точки зрения аналогична деятельности при производстве по уголовным делам представителей ГАИ и государственного пожарного надзора. Но, в отличие от последней, оно не является деятельностью органов дознания и в связи с этим находится вне сферы уголовно-процессуального регулирования. Потребность в таковом, по мнению автора, продиктована необходимостью усиления борьбы с преступностью, повышения ответственности должностных лиц, не уполномоченных непосредственно на борьбу с нею, за своевременность выявления и раскрытия преступных нарушений в сферах, им подконтрольных, укрепления законности при проверке оснований к возбуждению дела.

Принятая 21 июля 1978 г. Инструкция о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР предусматривает, что «с целью выявления признаков, служащих основанием для возбуждения уголовного дела», по мотивированному письменному поручению органов расследования, прокурора и суда могут производиться судебно-медицинские освидетельствования «граждан для определения характера и тяжести телесных повреждений, возраста, половых состояний и разрешения других вопросов, требующих познаний в области судебной ме-

дицины», и судебно-медицинские исследования трупов «при подозрении на примененные насилия или при других обстоятельствах, обуславливающих необходимость производства исследования трупа в судебно-медицинском порядке» (п. и. 1.3.2., 1.3.3., 2.1.).

По мнению автора, деятельность судебного медика, производящего судебно-медицинское освидетельствование, предусмотренное названной Инструкцией, по своему содержанию не отличается от экспертизы. Нет различий в этом отношении и между судебно-медицинским исследованием, о котором говорит Инструкция, и соответствующей экспертизой. Однако указанные судебно-медицинские освидетельствования и исследования по своей процессуальной природе не могут рассматриваться как экспертиза. Если порядок назначения и производства последней детально урегулирован УПК, то судебно-медицинские освидетельствования и исследования, осуществляемые в порядке доследственной проверки оснований в возбуждении дела, не знают процессуальной регламентации, а отсюда — и гарантий объективности, полноты и достоверности, свойственных экспертизе. Между тем эти освидетельствования и исследования на практике нередко заменяют ее. Результаты такого рода освидетельствований и исследований используются вместо заключений эксперта, оставаясь по существу лишь суррогатом экспертизы. По данным проведенного в процессе подготовки диссертации изучения уголовных дел, судебно-медицинское освидетельствование проводилось по 87 делам (92 освидетельствования — до возбуждения дела и 10 — после возбуждения). И только по 17 делам из них на предварительном следствии и в суде была произведена судебно-медицинская экспертиза.

В целях укрепления законности при проверке оснований к возбуждению уголовного дела представляется необходимым урегулировать в УПК деятельность судебно-медицинского эксперта в стадии возбуждения дела.

Практике рассмотрения уголовных дел в кассационном и надзорном порядке известна такая форма использования специальных познаний, как представление в суд (истребование судом) кассационной или надзорной инстанции в качестве дополнительных материалов письменных мнений сведущих лиц. Эти мнения касаются имеющих значение для дела обстоятельств, выяснение которых требует специальных по-

знаний, в том числе обстоятельств, исследованных ранее судебным экспертом. Характеризуя названную форму использования специальных познаний в уголовном процессе, диссертант останавливается на вопросах о процессуальном и доказательственном значении мнений сведущих лиц, представляемых в вышестоящие суды или истребуемых последними по своей инициативе.

В работе отмечается необходимость приведения в соответствие с законом сложившейся судебной практики, в которой вполне оправданно признается за вышестоящими судами право на истребование в качестве дополнительных материалов таких мнений, а за лицами, уполномоченными на принесение протеста в порядке надзора, — право на их представление вместе с протестом.

Основные положения диссертации нашли отражение в опубликованных статьях:

1. Участие в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями. — «Вестник Московского университета», серия «Право», 1980, № 3.

2. Некоторые процессуальные вопросы, возникающие в связи с Инструкцией о производстве судебной-медицинской экспертизы в СССР. — В сб. «Повышение эффективности деятельности органов прокуратуры, суда и юстиции в свете Конституции СССР 1977 года». М., 1980.

3. Судебно-медицинские освидетельствования и исследования в стадии возбуждения уголовного дела. — Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР (№ 5842 от 10.07.80 г.) — Новая советская литература по общественным наукам. Государство и право. Библиографический указатель, 1980, № 11, с. 57.